

**РУССКИЕ РАЗГОВОРЫ С НЭНСИ РИС**

Появление книг, в которых так или иначе описывается время перестройки, свидетельствует о том, что эта эпоха уже достаточно отделилась от нас для того, чтобы стать объектом некоего исторического описания. Однако при восприятии недавнего прошлого, свидетелями которого мы все являлись, возникает странный эффект. Оно словно проваливается в какую-то рецептивную дыру между "давно" и "недавно". С одной стороны, прошлое, казалось бы, еще не настолько давно, чтобы совершать специальные мнемонические усилия. С другой, оно достаточно давно, особенно учитывая интенсивность происшедших перемен, чтобы о нем окончательно забыть. Тем более, что пока не ощущается особенно сильного внутреннего желания вспомнить. Более того, это отсутствие внутренней потребности, связанное с наличием определенной коллективной травмы, помножено на вполне рациональное стремление доминирующей политической элиты подморозить процесс исторической рефлексии и аналитической проработки недавнего опыта. В результате общественное сознание/бессознательное (в данной ситуации граница между первым и вторым еще более проблематична, чем в классическом психоанализе) начинает напоминать компот из сухофруктов: ностальгии по утраченной уверенности в завтрашнем дне, сексуализированных фантазий на тему бывшего мирового господства, гламурных теле- и кинорепрезентаций советской повседневной жизни, ретроспективного патриотизма, обиды на власть, надежды на нее же – плюс характерная пыль, не позволяющая различить вкус отдельных ингредиентов. Недавнее прошлое выражается через перфектную форму глагола, оно еще всецело присутствует в настоящем, чтобы обрести устойчивые очертания.

В этом смысле книга Н. Рис "Русские разговоры" производит эффект, сходный с тем, который испытывает герой М. Пруста перед тем, как начинает вспоминать свое детство. Все начинается с мелочи – вкус печенья "Мадлен" вызывает некую психосоматическую реакцию, мгновенно восстанавливающую в памяти, казалось бы, уже вытесненные воспоминания. Так и здесь, наталкиваясь на чей-то разговор в очереди или на кухне и сразу восстанавливается повседневная атмосфера перестройки: очереди и банки с морскими водорослями, украшающие прилавки магазинов, "Огонек" и Коротич, Сахаров и талоны на сахар, вареные джинсы и кооперативное движение, "ускорение" и "человеческий фактор", водка только после двух часов и молоко до двенадцати и т.д., и т.п.

И тут характерно, что сама идея сделать эту шелуху повседневных бытовых разговоров объектом специального наблюдения и изучения пришла в голову человеку, принадлежащему к иной культуре. Здесь нужна дистанция, причем не только аналитическая, но и культурная. Изнутри культуры все эти разговоры воспринимаются как символически неценный материал. Мы не стремимся выявить в окружающем нас шуме языка какое-то важное сообщение. Для нашего уха это привычный шум: обрывки разговоров, на которые перестаешь обращать внимание, как на гул в метро. Наоборот, для постороннего уха этот шум кажется чем-то загадочным, ждущем своей дешифровки. Еще Аристотель в своей "Поэтике" писал, что язык поэзии должен выглядеть как иноземный язык, казаться странным, чужеродным, требующим повышенно-

го герменевтического внимания. Эта ситуация имеет и обратную логику – чужой язык выглядит как язык поэтический, и в нем начинаешь видеть смыслы, подчас ускользающие от его носителей. Именно эти ускользающие в силу своего моделирующего характера смыслы и попыталась схватить в своем исследовании Н. Рис.

Она предприняла попытку классифицировать жанры российской повседневной речи, выявить встроенность современной речи в некие архаические фольклорные структуры, уходящие корнями в ритуал и мифологию. И для такой интерпретации та естественная метапозиция, в которой оказывается иностранец, владеющий русским языком и аппаратом современной антропологии, оказалась чрезвычайно выигрышной и продуктивной.

Поэтому для русского читателя у книги появляется два продуктивных измерения: специальное научное значение работы и некая практическая польза, связанная с самим фактом сбора и систематизации материала, извлечь которую будет полезно для любого человека, не стремящегося к амнезии. Во-первых, это безусловно серьезное антропологическое исследование, которое нашло профессиональный отклик у коллег по дисциплине (о чем свидетельствует и данная дискуссия). Во-вторых, эту книгу можно рассматривать как свидетельство, зафиксировавшее то, что оказалось практически утраченным. Поскольку наши повседневные разговоры 15–20-летней давности, что вполне естественно, не были записаны на какие-либо виды носителей (активность КГБ в это время уже явно не распространялась так далеко).

И в заключении несколько слов о фотографическом ряде, сопровождающем русское издание книги. Мне как редактору книги неоднократно приходилось сталкиваться с определенным неприятием – в диапазоне от недоумения до возмущения – такого визуального решения. (Были и другие реакции, но не о них сейчас речь.) Смысл этих претензий так или иначе сводится к тому, что концептуальная оптика фотографий не соответствует аналитической перспективе исследователя, а их хронологическая референция не совпадает с описываемым автором периодом. Следовательно, – они не выполняют свою функцию иллюстрации, камерной и подсурдиненной оркестровки авторского исполнения. Следовательно, – издатели не чувствуют..., не понимают..., не соответствуют... и воспроизводят... А это уже симптом.

Остается лишь воспроизвести известный призыв Жижека: "Наслаждайся своим симптомом!" И удивиться убежденности в том, что видеоряд – есть лишь повторение сказанного; что тем более странно в том случае, когда сказанное принадлежит аналитику, а картинки – пациенту. Более того, кажется довольно странным предполагать в людях, работавших над русским изданием книги, такую отчаянную нечувствительность к чужому тексту, воплотившуюся в топорной попытке ее миметически проиллюстрировать. Ведь очевидно, что визуальный ряд соотносится с вербальным не по принципу унисона, но по принципу контрапункта. Зачем тогда эксплицировать то, что и так очевидно? Не продуктивнее ли было направить свою пронизательность на мотивы такого решения, признав за фотоизображениями определенную бессознательную аутентичность, равно как и определенный модус антропологической рефлексии, в которых отложились специфические способы реакции на травматическую повседневность и одновременно стратегии работы с этим опытом. То есть признать в них именно то, что является предметом книги Н. Рис. Предмет тот же, но он представлен с одной из возможных (более того, одной из доминирующих на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов<sup>1</sup> – достаточно вспомнить творчество Бориса Михайлова) позиций самоописания.

У этой позиции иная дистанция, иные уровень и перспективы рефлексии, сквозь нее проговаривается другой опыт, другие травмы, другим образом артикулированное бессознательное, – но это бессознательное того *другого*, чьи речевые практики ана-

лизируются в "Русских разговорах". Эти фотографии, как и любые фотографии вообще, одновременно фиксируют и определенные реалии и определенный взгляд на них. В фотообъектив попало то, о чем не было сказано в книге, потому что об этом принято молчать или потому что этого еще не случилось<sup>2</sup>. Но впоследствии случилось и во многом именно благодаря тому бесперспективному режиму ламентаций и литаний, который с энергией, достойной лучшего применения, демонстрировали собеседники Н. Рис. Возможно, издательство "Новое литературное обозрение" проявило некоторую (с нашей точки зрения, – оправданную) смелость, дополнив модель коммуникации "антрополог – абориген" кросскультурным диалогом и позволив себе вставить в него еще одну развернутую реплику. Реплику, выстраивающую иной, более жесткий, антропологический сюжет, который должен был заполнить историческую дистанцию, разделяющую 1985-й и 2005-й годы<sup>3</sup>. Будущее оказалось еще более травматичным, чем могли предполагать респонденты Рис. Это во многом и объясняет тот факт, что большая часть наиболее интересных работ, посвященная поздне- и постсоветскому повседневному опыту, создается за пределами России. Обладание опытом одновременно и помогает и мешает анализу, а пребывание внутри препятствует необходимому отстранению. И все же движение происходит. Визуальная объективация собственных травм – один из шагов к их аналитической проработке, а царапающая глаз специфика осуществляемого конструирования собственного опыта неизбежно вызывает к необходимости интерпретации<sup>4</sup>. Вызванное раздражение – лишнее тому подтверждение.

#### *Примечания*

<sup>1</sup> Включенные в книгу фотографии предоставлены несколькими ведущими фотогалереями Москвы, часть из них участвовала в, мягко говоря, довольно престижной выставке "Москва-Берлин". Я повторяю лишь то, что изложено на с. 364 данного издания, и только для того, чтобы подчеркнуть: фотографии не имеют никакого отношения даже к "самым страшным перестроечным журналам".

<sup>2</sup> В книге есть материал, датируемый 1995 г., что делает обвинения в несовпадении исторических периодов по крайней мере не совсем корректными.

<sup>3</sup> Довольно забавным образом наш разговор с Н. Рис в радиопередаче Тимура Кибирова, посвященной выходу книги, с точностью до дня совпал с 20-летием внеочередного пленума ЦК КПСС, на котором Генеральным секретарем был избран Горбачев.

<sup>4</sup> Ни в коем случае не отождествляя данные ситуации приведу пример немецких фотовыставок, сделанных на протяжении 1990-х годов и вызвавших очередную волну исторической рефлексии. Об этом см.: Память о войне 60 лет спустя. М.: НЛО («Библиотека журнала "Неприкосновенный запас"»), 2005.